

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080000457-9

ЭНВЕР-ПАША, ДЖЕМАЛЬ-ПАША И ТАЛААТ-ПАША
МЕЖДУ МОСКВОЙ И БЕРЛИНОМ (1918–1922)

© 2018

С.А. ШЕРСТЮКОВ

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1392-2595>; shers-serg@yandex.ru

Резюме: Короткий, но динамичный и наполненный противоречивыми событиями эмигрантский период жизни Энвер-паши, Джемаль-паши и Талаат-паши начинается с их бегства в ноябре 1918 г. из Стамбула в Берлин. И хотя Энвер и Джемаль пробудут в Берлине сравнительно недолго, значение этого города и Германии в целом для их последующей деятельности не следует недооценивать. Автор, обращаясь в основном к начальному периоду эмиграции триумвиров, связанному с Берлином, изучает сложный контекст их взаимодействия с различными политическими силами в рамках формирующейся сети, ядро которой составили Германия, Советская Россия и Турция, а также реакцию стран-победительниц – Великобритании и Франции на видимые признаки объединения “антисистемных” движений.

Ключевые слова: эмиграция, панисламизм, младотурки, империи, большевики, Турция, Германия.

Для цитирования: Шерстюков С.А. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922). *Восток (Oriens)*. 2018. № 4. С. 55–69. DOI: 10.31857/S086919080000457-9

ENVER PASHA, DJEMAL PASHA AND TALAT PASHA
BETWEEN MOSCOW AND BERLIN (1918–1922)

Sergey A. SHERSTYUKOV

Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1392-2595>; shers-serg@yandex.ru

Abstract: In this article, the author, applying the situational approach proposed by Alexey Miller, examines the emigrant period of life of Enver Pasha, Djemal Pasha, and Talaat Pasha. This short but dynamic and eventful period began with their flight in November 1918 from Istanbul into Berlin. The emigrant time of life of the Young Turk leaders is well-studied, yet the Berlin phase of their emigration is often ignored. Although Enver and Djemal made a short stay in Berlin, the significance of the city and Germany for their follow-up should not be underestimated. The collapse of continental Russian, German, Austro-Hungarian, and Ottoman Empires resulted from the First World War turned their territory into an arena where new political actors engaged in a brutal race and formed ephemeral coalitions. This article takes a look at the initial period of emigration of triumvir's connected mainly with Berlin and studies contexts of their interactions with various political forces within emerging network, the core of which were Germany, the Soviet Russia and Turkey. The article also traces a reaction of the winner countries – Great Britain and France – on visible signs of consolidation of “the anti-system” movements. Enver Pasha, Djemal Pasha and Talaat Pasha represented losing Ottoman elite and therefore belonged to the old, “departing” world. But this estimate will not be so unequivocal if one takes into account the active par-

ticipation of former Ottoman leaders in the formation of interaction networks, ideological practices, their ambiguous role in the national movement of Turkey, in Soviet-Turkish and German-Turkish relations after 1918.

Keywords: Emigration, Pan-Islamism, Young Turks, Empires, Bolsheviks, Turkey, Germany.

For citation: Sherstyukov S.A. Enver Pasha, Djemal Pasha and Talat Pasha between Moscow and Berlin (1918–1922). *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 4. Pp. 55–69. DOI: 10.31857/S086919080000457-9

В 1918-м – начале 1920-х гг. на пространстве, которое контролировали распавшиеся в результате Первой мировой войны Российская, Германская и Османская империи, произошло распыление власти, на развалинах империй заявили о себе новые политических силы, создававшие самые причудливые коалиции, которые, как правило, не были долговечными. Это время, когда стали возможны не только удивительные, на первый взгляд, политические союзы, но и парадоксальные идеологические сближения, переплетения и заимствования.

Российский историк А.И. Миллер полагает, что при изучении национальной политики и формирования наций, во всяком случае применительно к “длинному” XIX в., важно держать в поле зрения макросистему континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов [Миллер, 2006, с. 32]. События, последовавшие за окончанием Первой мировой войны, свидетельствуют о сохранении разнообразных взаимосвязей и взаимовлияний национальных и политических движений в рамках упомянутой макросистемы в условиях исчезновения имперской власти. Более того, исчезновение прежних государственных и административных границ, пластичность, подвижность и проницаемость новых обусловили большую интенсивность контактов между разнообразными силами на пространстве прежних империй¹.

В последние годы трансграничная и транснациональная перспектива становится все более востребованной в рамках изучения не только истории империй, но и периода, последовавшего за их распадом².

Деятельность лидеров младотурок в эмиграции, их роль в восточной политике РСФСР и, в частности, их влияние на формирующиеся советско-турецкие отношения, исследовали в своих работах ряд российских авторов [Казанджян, 1996; Гиленсен, 1996; Вдовиченко, 1997]. Ю.Н. Тихонов опубликовал серию работ и документов, освещающих вклад Джемаль-паши в развитие советско-афганских отношений, а также шаги Джемаль-паши, направленные на организацию (при поддержке Советской России) революции в Британской Индии [Тихонов, 2002; Тихонов, 2007; Тихонов, 2010(1); Тихонов, 2010(2), Тихонов, 2017]. В западной историографии также выходили работы, посвященные истории младотурецкой эмиграции [Cruikshank, 1968; Dumont, 1975; Yilmaz, 1989; Yenen, 2016] и, в меньшей степени, берлинскому периоду эмиграции лидеров младотурок [Yamauchi, 1989].

“ДЛИННЫЙ” XIX ВЕК И “ДОЛГАЯ” ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Среди историков имеется немало сторонников концепции “длинного” XIX в., связывающих конец XIX в. с началом Первой мировой войны, ознаменовавшей переход к дру-

¹ Хотя границы между империями, особенно в сложных пограничных зонах, в течение длительного времени отличались подвижностью и проницаемостью, о чем писал, в частности, Альфред Ридер [Ридер, 2004].

² Швейцарский исследователь турецкого происхождения Альп Йенен полагает важным, в частности, изучение в рамках данного подхода роли негосударственных субъектов в формировании государств на постоттоманском Ближнем Востоке [Yenen, 2015, p. 261].

гой, отличной от довоенного времени эпохи. Немецкий историк Юрген Остерхаммель, продемонстрировавший в работе “Трансформация мира. История XIX века” условность и пространственную ограниченность эпохальных границ и значимость длительностей и непрерывностей, не отрицая такой подход, полагает, однако, что эта концовка была бы целесообразна при анализе таких трансформаций, как взаимосвязи в мировой экономике, но при анализе других – нет [Остерхаммель, 2011, с. 25]. Ю. Остерхаммель не использует в отличие от некоторых других историков понятие “долгой” Первой мировой войны, но его подход предполагает условность 1918 г. как даты ее окончания. Длинный XIX век, пишет он, в некоторых случаях приходится оканчивать только началом 1920-х гг.: переходом в глобальное послевоенное время, в котором новые технологии и идеологии проложили глубокий ров между послевоенным модерном и временем до 1914 г. [Остерхаммель, 2011, с. 26].

“Первая мировая война сама являлась фазой колоссального перехода и расширения цепей воздействия (*Wirkungskette*). Она началась с боевых действий на пространстве между Северо-Восточной Францией и Прибалтикой, которым, однако, предшествовали военные столкновения в Западной и Восточной Африке, и лишь в ходе дальнейших событий разрослась до *мировой* войны... 1919 год стал годом политического переустройства Европы, Ближнего Востока и Африки, а также революционных или антиколониальных потрясений от Ирландии до Египта, Индии, Китая и Кореи” [Остерхаммель, 2011, с. 25].

Упомянутые Ю. Остерхаммелем революционные и антиколониальные движения являлись не только порождением, но и в определенном смысле продолжением Первой мировой войны. Поэтому в сознании современников во многих странах 1918 год не стал и не мог стать годом окончания войны.

Война и вызванные ею революционные потрясения вывели на авансцену истории новые фигуры. Многие из них, появившись и ярко проявив себя, сразу уходили в небытие, другие смогли закрепиться на политическом Олимпе. В любом случае смена политической элиты, порой лавинообразная, стала неизбежным следствием крушения континентальных империй. Важно и то, что политическая практика, целепологание, подходы к решению ключевых проблем всех участников (и государственных, и негосударственных, “старых” и “новых”) в значительной степени или полностью определялись полученным ими военным опытом.

Современники этих событий и те, кто позднее обращался к их изучению, нередко описывали этот период как период крушения “старого мира”. Однако крушение, как правило, не происходило в одночасье, скорее возникали ситуации, когда новые идеи, институты, практики сосуществовали, конкурировали или переплетались со старыми.

Принадлежали ли Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша к старому, уходящему миру? С одной стороны, принадлежали, так как они олицетворяли собой османскую элиту (и в целом османский проект), приведшую империю к краху. Хотя они пришли к власти как представители реформаторски настроенной просвещенной оппозиции, как поборники свобод (не только для турок) и европейски понимаемого прогресса и примеряли на себя роль спасителей империи, но фактически стали ее могильщиками. Втягивание Османской империи в войну, закончившуюся ее поражением, коллапсом и иностранной оккупацией, определило восприятие и в конечном итоге политическую судьбу триумфиров.

Однако на сформулированный выше вопрос можно ответить и отрицательно, если принять во внимание активное участие Энвера, Джемали и Талаата в формировании после 1918 г. сетей взаимодействия, идеологических и дискурсивных практик, неоднозначную и, возможно, недооцениваемую роль в национальном движении Турции, в советско-турецких и германо-турецких отношениях.

ИЗ СТАМБУЛА – В БЕРЛИН

Поражение в войне заставило триумвиров не только отказаться от власти, но и сменить роль признанных политических и военных лидеров Османской империи на роль терпимых эмигрантов с сомнительным статусом в Германии, куда Энвер, Джемаль и Таллат прибыли в ноябре 1918 г. Но столь резкий поворот в их карьере и жизни не подтолкнул их к тому, чтобы выйти из политической игры. Они не собирались уходить в политическое небытие, а Энвер-паша не считал окончательными ни потерю власти в Турции, ни поражение в войне. Война еще не закончилась, и, даже если бы наступил мир, Энвер, как и многие другие политики и военные этого времени и в Европе и за ее пределами, был убежден в том, что после короткой передышки война возобновится.

Незадолго до бегства из страны, на последней встрече в его доме в Куручешме, Энвер оценивал поражение в войне как не более чем временную неудачу: “Теперь начнется второй этап мировой войны. Не забывайте, в прошлом мы выиграли Балканские войны во второй фазе” [Cruickshank, 1968, p. 17].

Проиграв войну, потеряв власть и оказавшись в эмиграции, младотурки пытались тем не менее участвовать в формировании контуров послевоенного порядка, происходившем в ходе сложных договоренностей и прямого силового противостояния. Покинув Турцию, триумвиры оставались политическими субъектами, но никогда больше не смогли обрести политической легитимности. Исходя из этой посылки, все их действия в эмигрантский период жизни можно интерпретировать как бесконечные попытки добиться легитимности (в качестве представителей Турции, турецкого национального движения, руководителей панисламистского движения, лидеров турецкой и мусульманской эмиграции в Европе) в глазах Кемали, Антанты и Советов.

Выбор Германии в качестве места эмиграции, конечно, не был случайным. Германия являлась не только военным союзником, но и, по крайней мере, для прогерманского крыла османской элиты, на протяжении довольно долгого времени страной, с которой следовало брать пример Османской империи, страной, в которой Энвер и другие младотурки, работавшие и жившие в Германии, приобрели важный профессиональный и личный опыт и связи³. Поражение в войне и коллапс Германской и Османской империй обрушили прежнюю модель германо-турецких отношений, определяемую, хотя и не исчерпывающим образом, с момента вступления Османской империи в войну как “братство по оружию”. Но, во-первых, обрушили не полностью и не сразу, а во-вторых, как у младотурок, так и у части немецких военных и политиков было желание, используя остатки прежних связей и институтов, выработать новую модель отношений, хотя и представляемую в тот момент обеими сторонами довольно смутно.

Лидеры младотурок могли рассчитывать на своих сторонников и “старых друзей” (прежде всего в Турции и Германии), на имеющиеся финансовые ресурсы и на свой опыт. Они планировали использовать в качестве инструментов политического влияния, пропаганды и разведки секретные организации “Каракол” и “Тешкилат-и махсусе”, сыгравшей зловещую роль в годы Первой мировой войны в ходе массовых убийств армянского населения в Османской империи. Эти же структуры предполагалось задействовать в качестве каналов поддержания связи, транспортировки оружия и денег.

Быстро меняющаяся международная обстановка вокруг Турции и внутривнутриполитический контекст внутри нее позволяли надеяться на изменения, благоприятные для триумвиров. Многообещающими выглядели и изменения, происходившие в России, дававшие основания рассчитывать не только на помощь большевиков в борьбе с Антантой, но и на их содействие в возвращении к власти в Турции, а также на возможность реализации

³ В 1909 г. Энвер-паша находился в Берлине в качестве военного атташе.

пантюркистских проектов в Закавказье и Туркестане. Энвер-паша и Джемаль-паша по-прежнему верили в возможность революции в Британской Индии, планируя действовать через Афганистан. Планы младотурок и большевиков в отношении этих двух стран, как заметил Ю.Н. Тихонов, во многом совпадали [Тихонов, 2010, с. 290–291].

Наблюдая деятельность Энвера, Талаата и Джемалья после их бегства из Турции, можно заключить, что они пытались компенсировать утраченные позиции внутри Турции активностью и стремлением выстроить разнообразные связи за ее пределами. Если проследить перемещения Энвера и Джемалья⁴ за период с ноября 1918 по август 1922 г., то можно заметить, что кроме Берлина и Москвы на карте посещенных ими мест были другие важные пункты: Мюнхен, Лозанна, Париж, Баку, Батум, Тифлис, Кабул, Ташкент, Ашхабад, Бухара. На этой условной карте нет Стамбула и Анкары, но вряд ли стоит сомневаться, что они являлись главными точками притяжения для каждого из триумфиров.

Круг контактов, в которые вступали триумфиры в период пребывания их в Германии, дает представление о размахе и масштабе их деятельности: кроме турецкой (младотурецкой) эмиграции, к нему относились различные политические силы в Европе как левого, так и правого толка, представители мусульманской эмиграции (в частности, арабской, афганской, индийской, иранской, азербайджанской, крымско-татарской, среднеазиатской, поволжской эмиграции, мусульмане из Румынии), эмиссары большевиков, военные, разведчики и дипломаты Великобритании, Франции, Италии.

Оказавшись за пределами Турции, бывшие лидеры Османской империи делали все возможное, чтобы включиться в переговорный (и политический) процесс о судьбе не только Турции, но и других территорий, как формально или фактически входивших в состав Османской империи (Египет, Аравия, Ирак, Сирия), так и не являвшихся ее частью (Афганистан, Туркестан, Кавказ, Индия) [Yamauchi, 1989, p. 3–4].

Лидеры младотурок являлись фактором (осложняющим, благоприятствующим, но в любом случае требующим учета и реагирования) в германо-турецких, советско-германских и советско-турецких отношениях, а также в отношениях Анкары/Стамбула и Берлина с Парижем и Лондоном и в неофициальных советско-британских и советско-французских контактах. Их активная деятельность хотя и оказывала разное влияние на отношения между названными участниками, но не могла игнорироваться ни одним из них.

Позиции Британии и Франции в отношении младотурецких лидеров, казалось, были однозначными. С британской и французской точки зрения, они являлись военными преступниками, ответственными за массовые убийства армянского населения Османской империи в 1915–1916 гг. Франция и Великобритания неоднократно требовали от германского МИД их высылки. Однако в Берлине видели в пребывании младотурок в Германии не только дополнительные проблемы, но и определенные дополнительные возможности.

Исследователи, обращавшиеся к германскому периоду деятельности Энвера, наиболее часто упоминали имя Ганса фон Секта, безусловно, наиболее важной фигуры из “старых знакомых” Энвер-паши. Однако у Энвера имелись связи и с другими заметными персонами в немецких дипломатических и военных кругах, которые он стремился восстановить, снова оказавшись в Германии. К ним относились, в частности, Макс фон Оппенгейм, археолог и дипломат, в годы войны – глава службы информации по Востоку при Министерстве иностранных дел, Конрад Фрайхерр фон Вангенхайм, бывший немецкий посол в Константинополе, Теодор Виганд, немецкий археолог, Фридрих Сарре, исламовед и офицер, Ганс Хуманн, бывший военно-морской аташе в Стамбуле, друг Энвер-паши.

---

⁴ Талаат-паша после бегства из Турции не покидал Берлин, где и был убит 15 марта 1921 г. армянским националистом Согомоном Тайлиряном.

Германские ведомства, прежде всего МИД, пытались скрывать присутствие Энвера, Джемала и Талаата в Берлине, однако выполнению этой и без того трудной задачи мешала их лихорадочная и, к неудовольствию немецких дипломатов, не всегда незаметная деятельность [Mangold-Will, 2013, s. 42].

Документы германского МИД осени 1920 г., когда Энвер ненадолго вернулся в Берлин из Москвы, отражают скорее опасения, некоторую растерянность и стремление дистанцироваться от него, чем желание использовать Энвера в политической игре: "...является удивительным прибытие Энвер-паши в Берлин, – сообщалось в записке от 20 октября 1920 г., – с большими денежными средствами и с письмом к Т. (Талаату. – С.Ш.) очень важного содержания" [Bundesarchiv-Potsdam, AA, F4927, D 551976].

В качестве информатора германского МИД в это время выступал Пауль Вайтц (в годы войны корреспондент "Frankfurter Zeitung" в Константинополе, "полудипломат", как его называл Г. Моргентау [Айрапетов]), поддерживавший связь с Энвером. В записке от 7 ноября 1920 г. Вайтц сообщал, что Энвер надеется при посредничестве и содействии "независимых"⁵ осуществить транспортировку в Россию большой партии оружия и обмундирования [BArchP, AA, F4927, D 551978].

"П.В. (Пауль Вайтц. – С.Ш.) снова подчеркнул, что Э. (Энвер-паша. – С.Ш.) обладает большими денежными средствами и уверен, что Э. без всякого учета нашей позиции займется организацией транспортировки оружия, что для него также не желательно, тем не менее, при определенных обстоятельствах, абсолютно безразлично, знает ли что-то Антанта о его махинациях. У П.В. тем не менее сложилось впечатление, что местная Антанта еще ничего не знает о местоположении Энвера и его намерениях" [BArchP, AA, F4927, D 551979].

Над Энвером, Талаатом и Джемалем, приговоренными 5 июля 1919 г. военным судом в Стамбуле к смертной казни, нависла угроза высылки из Германии. Один из эпизодов, связанный с вопросом о возможной высылке Энвер-паши из Германии, отразился в документах германского МИД. В письме на имя главы германского МИД 16 января 1921 г. Пауль Вайтц отмечал, что до него дошли надежные сведения о решении выслать Энвера из Германии. Такое решение, по его мнению, стало бы роковой политической ошибкой и несмываемым позором для Германии.

"На его родине, – писал Вайтц, – он полностью обанкрочен. С человеческой точки зрения, ему будет очень сложно снова играть какую-либо военную или политическую роль в Турции. Ему было бы легче это сделать только в том случае, если бы он как мученик из-за немецкой высылки снова возвратился бы на родину. Далеко за пределами исламской Турции, во всех мусульманских странах подобный акт беспощадности рассматривался бы и оценивался как беспрецедентная в истории неблагодарность. Этот акт привел бы к тому, чего наши противники добиваются: Германская империя лишилась бы на годы вперед симпатий во всем исламе, которые не следует недооценивать" [BArchP, AA, F4928, D 552116–552117].

Автор документа писал об интересах Германской империи, а не Веймарской республики, выражая парадигму восприятия и описания ислама, представлявшую ислам и тождественный ему мусульманский мир как нечто целостное, имеющее свои симпатии и антипатии и поддающееся воздействию извне. Эта парадигма лежала в основе исламской политики великих держав в годы Первой мировой войны и после нее, определяя видение ислама как сторонниками и идеологами панисламизма, так и теми, кто рассматривал

---

⁵ Слово "независимые" (die Unabhängigen) написано в документе не печатными буквами, а прописью. Видимо, имеется в виду Независимая социал-демократическая партия Германии, участвовавшая и в ноябрьской революции 1918 г., и – наряду с Коммунистической партией Германии в организации восстания рабочих в Берлине 5–12 января 1919 г.

панисламизм как угрозу (инструмент) в своей политике. Подобный взгляд на ислам активно эксплуатировал и Энвер-паша, пытаясь выстроить взаимоотношения с британцами, большевиками и Кемалем.

БРИТАНЦЫ, МУСУЛЬМАНЕ В ГЕРМАНИИ И ЭНВЕР-ПАША

В годы Первой мировой войны Османская империя в союзе с Германской империей направила значительные усилия на то, чтобы сделать ислам и, в частности, идеологию панисламизма инструментом борьбы против Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и Индии. Энвер-паша являлся одним из главных вдохновителей и организаторов этой кампании. Поэтому у британцев имелись все основания опасаться Энвера, ставшего к 1918 г. “заклятым врагом Антанты на Востоке” [Glenda, 1988, p. 197], и после его бегства из Турции. Конечно, он уже не был одним из руководителей государства-противника, но его деятельность по-прежнему могла нести существенную, хотя и трудно оценимую угрозу Британской империи. Британскую секретную службу, отслеживавшую деятельность младотурок в Германии, беспокоило то, что последние пытались использовать антианглийские группы различного происхождения и ориентации, которые сосредоточились в Германии [Mangold-Wil, 2013, s. 45].

В годы Первой мировой войны и после нее в странах Европы сложились заметные сообщества мусульман. И хотя европейские страны стали привлекательным местом эмиграции для мусульманских политиков и общественных деятелей уже в XIX в., все же мусульманская миграция 1910-х – 1920-х гг. стала для Европы принципиально новым феноменом, если учитывать ее масштаб, разнообразие и активность ее представителей, а также роль в общественно-политической жизни европейских стран. Среди мусульманских общин в Европе, включавших в себя представителей разных национальных и религиозных движений, контактировавших друг с другом и образовавших транснациональные сети, заметными были панисламистские группы и организации, активно действовавшие в Швейцарии, Австрии и Германии. Британцев и французов, вынужденных следить за панисламистской активностью не только в своих колониях и подмандатных территориях, но и в Европе, в наибольшей степени беспокоила активность мусульман в Германии.

В годы Первой мировой войны мусульмане в Европе рассматривались и немецкими, и османскими властями как потенциально важный политический ресурс. Исследователь Мартин Крамер отметил слабую эффективность османских военных миссий, которые в годы Первой мировой войны направлялись в различные части мусульманского мира с целью спровоцировать там восстания против колониальных властей. Второй попыткой активизировать поддержку османского дела стало создание исламских обществ в Европе, где война свела вместе мусульман различного происхождения и национальности [Kramer, 1986, p. 56].

Представителей Антанты волновали признаки формирования пестрой коалиции антиколониальных сил, в которую входили или могли войти большевики, турки, немцы, а также националистические и панисламистские группы в Европе, имевшие связи в странах Азии и Африки. Призрак панисламизма не только не исчез после 1918 г., но, казалось, стал еще более грозным. Попытки Германской и Османской империй вызвать в годы Первой мировой войны мощное антиколониальное движение в мусульманских колониях их противников в целом провалились, однако панисламистская активность после войны, ряд восстаний в мусульманских странах и в особенности значение, которое им придавалось британской (и французской) стороной, свидетельствуют о том, что проект джихада “made in Germany” не был совсем безуспешным. Однако отделить в данном случае действительную угрозу от воображаемых и воспроизводящихся страхов крайне сложно.

Энвер и Талаат, будучи в Берлине, предпринимали шаги, направленные на установление связи с британским правительством и, в случае успеха, вступление с ним в переговоры. 6 января 1920 г. в пригороде Берлина состоялась встреча Энвер-паши с офицером британской военной разведки Эйвором Хэдди. В ходе нее Энвер заявил, что он был прежде всего патриотом, признал, что война проиграна, и подчеркнул, что он как солдат обеспокоен тем, чтобы она завершилась [Ferris, 2010, p. 325].

Предложения Энвера, с которыми он обратился к британскому правительству, сочетали в себе призыв к миру и тайному союзу, обещание помощи и прямую угрозу. В обмен на территориальные уступки по мирному договору с Турцией, а также на восстановление старой младотурецкой партии (которая, по его словам, была как никогда сильной, единой и патриотичной и которую он мог бы немедленно мобилизовать) и “на тесную и тайную связь независимой Турции с Великобританией” Энвер помог бы, писал Хэдди в своем отчете, “разрешить наши затруднения в Египте и других мусульманских странах дальше на Востоке... Невозможно будет, утверждалось в документе, полностью повернуть мусульманские страны к антибольшевизму, поскольку большевизм зашел там слишком далеко; но возможно будет в значительной степени устранить в них антианглийские чувства [Ferris, 2010, p. 325]⁶.”

В ходе другой беседы с Эйвором Хэдди, состоявшейся 24 февраля 1920 г., Энвер-паша прямо заявлял о намерении поднять восстание против Британии в ее мусульманских владениях [Yamauchi, 1989, p. 13]. Энвер получил от британского правительства сначала довольно уклончивый ответ, однако в конечном итоге Д.Н. Керзон и Д. Ллойд-Джордж отвергли всякую сделку с человеком, которого они считали военным преступником и “одним из самых отчаянных наших врагов” [Ferris, 2010, p. 334].

Резкий и, видимо, неожиданный для Лондона политический маневр Энвера провалился. Вскоре он совершил не менее неожиданный поворот, в результате которого оказался в Москве. В дальнейшем Талаат, действуя, по всей видимости, самостоятельно, еще не раз искал возможность договориться с британцами. В то же самое время он принял непосредственное участие в формировании хрупкого альянса с большевиками.

ЭНВЕР-ПАША И ТАЛААТ-ПАША В “ПОЛИТИЧЕСКОМ САЛОНЕ” РАДЕКА

Поиск Энвером и Талаатом контактов и последующее сотрудничество с большевиками не будет вызывать удивления, если принять во внимание тот факт, что после бегства из Турции (а возможно, еще до бегства) лидеры младотурок осознали, что единственной силой, которая могла оказать им серьезную поддержку в борьбе с Антантой, являлась Советская Россия. К этому следует добавить тяжелое психологическое состояние Энвера и Талаата, вызванное, видимо, потерей власти и вынужденным бегством из Турции, неясным положением в Германии и, возможно, нарастающим разочарованием в ней, а также нависающей угрозой высылки из нее.

Первые контакты триумвиров после их бегства из Турции с представителем большевистского правительства состоялись в Берлине. Берлин оставался важным пунктом на всем протяжении этого странного альянса для обеих сторон⁷. Энвер и Талаат осенью 1919 г. несколько раз посетили известного большевика, одного из руководителей Коминтерна, Карла Радека, в берлинской тюрьме, где, по выражению последнего, у него завелся “политический салон” [Радек, 1926, с. 164].

⁶ По-видимому, у Энвера существовал определенный расчет на использование противоречий в позициях союзников по Антанте – Великобритании, с одной стороны, и Франции и Италии, с другой, – прием, к которому не без успеха прибегал в своей дипломатической практике также Мустафа Кемаль и его представители.

⁷ Советские дипломаты следили за деятельностью и настроениями младотурецкой эмиграции в Германии, в советских дипломатических документах использовалось выражение “берлинские младотурки”.

Переговоры Энвера и Талаата с Радеком, как и последующая поездка Джемала и Энвера в Москву, вряд ли были бы возможны без активного и деятельного участия Ганса фон Секта, сторонника сближения Германии с Советской Россией. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи. Однако для более полного понимания происходивших контактов, результатом которых стало сотрудничество младотурок с Москвой, необходимо учитывать мотивы и настроения всех их участников.

Переориентация триумвиров на Советскую Россию происходила при непосредственном участии Радека, сыгравшего заметную роль и в советско-германском сближении. Большевикский эксперт по Германии, он с декабря 1918 г. нелегально находился в Берлине в качестве представителя советского руководства [Винклер, 2013, с. 64]. Работая в неблагоприятных и быстро меняющихся условиях и фактически не имея связи с Москвой, он проявил инициативу и самостоятельность. По мнению английского исследователя Е.Х. Карра, Радек в этот период являлся новатором как в плане тактики партии, так и еще в большей степени в области советской внешней политики, высказывая идеи, которые являлись весьма неортодоксальными в Москве 1919 г. [Carr, 1952, p. 412].

“Радек был первым, кто увидел возможность использования Версальского договора не только как инструмента для ускорения пролетарской революции в Германии, на что изначально рассчитывал Коминтерн, но и для формирования военного и дипломатического союза между Советской Россией и Германией, и не на идеологической основе, а на основе общей враждебности к западным империалистическим державам. Идея, которая впервые появилась в разговоре Радека с Талаатом и Энвером по отношению к Турции, несколько менее явно выражена в его немецких разговорах, но подтекст безошибочен” [Carr, 1952, p. 412–413]⁸.

По утверждению Радека, инициатором сближения Советской России и Германии выступал именно Энвер, который внушал немецким военным мысль, что Советская Россия – новая растущая мировая сила, с которой они должны считаться, если на деле хотят бороться против Антанты [Радек, 1926, с. 164].

Основные направления и возможные формы сотрудничества большевиков и триумвиров были определены в ходе первых контактов с Радеком. Конечно, Радека интересовал характер взаимоотношений лидеров младотурок и Кемалья. В ходе разговора с Радеком Энвер и Талаат подчеркивали, что Кемаль принужден отмежевываться от павшего младотурецкого режима, но между ними и Кемалем нет никаких разногласий по существу, что они за границей организуют ему помощь [Радек, 1926, с. 164]⁹.

---

⁸ Позднее идея о необходимости сотрудничества или даже союза Германии, Советской России и Турции получила неожиданное развитие у Джемаль-паши. В мае 1922 г. в разговоре с советскими дипломатами Джемаль заявил, что во время пребывания в Париже он вел агитацию против Великобритании и в среде своих французских друзей ратовал за континентальный союз Франции, Германии, России и Турции [Тихонов, 2010, с. 58]. Интересно, что Джемаль фактически предлагал (по крайней мере, в ходе разговора с советскими дипломатами) не только включить в союз Францию, но и реанимировать старую модель отношений, в рамках которой континентальная империя (империи) противостояла морской империи. Думается, что для лучшего понимания логики действий как государственных, так и негосударственных сил на пространстве бывших континентальных империй следует в большей степени учитывать имперский и постимперский контексты, рассматривая действия их участников как попытки восстановить, пересмотреть или окончательно разрушить имперское наследство. Частью этой деятельности являлось и стремление заново поделить сложные пограничные зоны [Ридер, 2004], ставшие объектом соперничества и торга, в котором участвовали государства-преемники, страны-победители и многочисленные негосударственные (или полугосударственные) игроки, в том числе беглые младотурки.

⁹ Энвер, несмотря на сложные, прерывистые, конфликтные отношения с Кемалем, до самого последнего времени провозглашал себя представителем турецкого национального сопротивления за рубежом. Так, в газете “Liwa-el-islam” от 15 января 1922 г., издававшейся при финансовой поддержке Энвер-паши, вышла редакционная статья “Опровержение слухов об Энвер-паше”, в которой утверждалось, что между Энвером и Кемалем,

Из письма Талаата Джемало известно, что Радек предложил значимую советскую поддержку движению анатолийского сопротивления, в обмен на что руководители младотурок должны были оказать услуги большевистской пропаганде в мусульманском мире [Dumont, 1975, p. 144]. Свое видение сотрудничества с большевиками Энвер изложил в письме Джемало в декабре 1919 г.:

“...наши друзья большевики готовы помочь нам в рамках идей, обсуждавшихся во время наших бесед. На данный момент вот моя позиция в общих чертах: 1. Освободить мусульманские нации. 2. Сотрудничать с социалистами, учитывая, что империалистический капитализм является нашим общим врагом. 3. Присоединиться к социализму при условии его адаптации к религиозным доктринам, которые регулируют внутренние стороны жизни мусульман. 4. Для освобождения ислама использовать все возможные средства давления, в том числе революцию. 5. В этой области сотрудничать с подчиненными немусульманскими нациями. 6. Допустить развитие всех социальных слоев внутри исламского сообщества” [Dumont, 1975, p. 145].

Французский исследователь Поль Дюмон заметил, комментируя второе условие данного письма, что в нем Энвер предусматривал нечто большее, чем просто тактический союз с большевиками [Dumont, 1975, p. 145].

Предложения Энвера соответствовали настроениям и идеям части мусульманских националистов в Европе и за ее пределами. Одни из них исходили из того, что большевики являются их естественными союзниками в борьбе с европейским колониализмом. Другие шли еще дальше, находя сходство между их идеями и идеологией большевизма, тем более что советское правительство обращалось к мусульманам Востока с привлекательными лозунгами борьбы за свободу и национальное самоопределение, против западного империализма. К тому же большевики готовы были подкрепить свои слова практически шагами, направленными на поддержку антиколониальных движений на Востоке.

Однако, несмотря на желание Энвера, демонстрировавшего готовность к идеологической гибкости и даже новаторству, расширительно трактовать перспективы формирующегося сотрудничества, в действительности фундамент этого “союза” всегда оставался весьма зыбким, и кроме наличия общего врага стороны мало что связывало. Названные Энвером условия могли стать не только предпосылками для сближения, но и источником противоречий и конфликтов.

Тем не менее Энвер, видимо, полагал, что с большевиками можно договориться как по политическим, так и, возможно, по идеологическим вопросам. 6 марта 1920 г., непосредственно перед поездкой в Москву, Энвер в письме своему брату Камилло сформулировал условия соглашения с большевиками в более конкретных выражениях: “При условии (признания) независимости Южного и Северного Кавказа и Туркестана буду стараться подписать мирное соглашение или даже союз с советским правительством” [Yamauchi, 1989, p. 27].

Расчет Энвера состоял в том, чтобы, вступив в переговоры с большевиками раньше Кемалю, укрепить свои позиции и в случае подписания соглашения получить признание в качестве легитимного представителя Турции. Вполне вероятно, что Энвер рассматривал предстоящие переговоры с большевиками как своеобразное продолжение Брест-Литовских переговоров.

Хотя в ходе контактов с Радеком были найдены и озвучены некоторые направления сотрудничества большевиков и триумвиров, его содержание оставалось в значительной степени туманным. Положение мало изменилось даже после того, как сотрудничество

вопреки распространяемым слухам, нет никаких противоречий и что оба они работают для достижения общей цели. “Такие героические мужчины хорошо знают, что в истории их нации найдется место не для одного, а для многих героев” [Liwa-el-islam, 1922].

стало наполняться реальным содержанием: отношения сторон все равно характеризовались высокой степенью неопределенности, заключавшей в себе не только все еще нереализованные возможности, но и камуфлируемые до поры до времени противоречия.

ФРАНЦИЯ, ПАНИСЛАМИЗМ, ТРИУМВИРЫ И БОЛЬШЕВИКИ

Французские дипломатические документы начала 1920-х гг., подготовленные по запросам французского руководства, рисуют масштабную панораму панисламистского движения, которое охватывало десятки стран (и территорий) в Европе, Азии и Африке. В донесениях, рапортах, секретных записках французских дипломатов возникает целый калейдоскоп имен, мест и событий, которые нередко сводились к одному знаменателю, и таким знаменателем являлся панисламизм, рассматривавшийся и как самостоятельный фактор, и как инструмент в руках других сил.

Французские дипломаты склонны были видеть в панисламистском движении начала 1920-х гг. прямое продолжение той политики в отношении ислама, которую проводила Османская империя в союзе с Германской империей в годы Первой мировой войны. Так, в феврале 1920 г. посол Франции в Греции М.Р. де Билли в конфиденциальном рапорте о панисламистском движении, отправленном премьер-министру Франции А. Миллеранду, писал:

“С начала 1918 г. турецкая пропаганда в религиозной форме расширила свою деятельность во французских и английских владениях с целью возмущения мусульманских масс. Она возглавляется людьми младотурецкой партии и получает лозунги от Берлина. Центром ее действия сегодня стала Швейцария. Она связывается с Индией и Азией в целом через Стокгольм – Берлин – Москву, Персию и Афганистан. Она сотрудничает с российскими большевиками через республиканскую партию Персии...” [AD, vol. 561, f. 152].

В документе обращалось внимание не только на смещение центра пропаганды, но и на изменение цепочки, через которую она распространилась. Новым важным звеном в этой цепи являлась Советская Россия. Во французских документах упоминались различные названия организаций панисламистов – “комитет панисламистов”, “панисламистская лига”, “Лига избавления ислама”. Все эти организации, по мнению французских дипломатов, либо поддерживались большевиками, либо были созданы по их инициативе и, самое главное, преследовали одну цель – подрыв британской и французской колониальных империй.

Посол Франции в Берлине в записке от 21 апреля 1920 г. подчеркивал, что “большевики оказывают поддержку мусульманским националистам для того, чтобы поднять ислам против Франции и Англии” [AD, vol. 561, f. 154]. Он писал о сотрудничестве с советским правительством комитетов панисламистов, расположенных в Москве, Берлине и Лозанне, обращая внимание на то, что Талаат-паша является политическим, а Джемаль-паша – военным руководителем комитета (панисламистов. – С. III.) Германии [AD, vol. 561, f. 154–155].

В справке французского МИД от 10 октября 1921 г. сообщалось об основанной в Берлине через несколько месяцев после двух поездок Энвера в Россию “панисламистской лиге”. Несмотря на то что оба раза, как говорилось в документе, он не получил прямой поддержки большевиков для реализации своих планов, они согласились субсидировать “панисламистскую лигу”, с помощью которой, как утверждал Энвер, можно было спровоцировать большое мусульманское волнение в Северной Африке [AD, vol. 561, f. 204].

Лига планировала деятельность в Египте, Сирии, Киликии, Малой Азии, Триполи, Марокко, Алжире, Тунисе. При этом средства для деятельности лиги, как указано в до-

кументе, были предоставлены индийским мусульманским комитетом, выделившим на ее нужды почти 20 млн фунтов стерлингов [AD, vol. 561, f. 207]. Предупреждая о готовящемся восстании в Сирии, автор документа выражал опасения в частности из-за того, что у его инициаторов имеются большие запасы оружия и боеприпасов, сохраненные в тайне со времени перемирия, а также поставляемые Кемалем [AD, vol. 561, f. 208]¹⁰.

Французы и британцы, как видно из документов, в целом сходно, а иногда идентично оценивали панисламистскую деятельность и степень угрозы, которую она несла их колониальным владениям. Хотя автор упомянутого выше рапорта М.Р. де Билли полагал, что французское правительство в отличие от британского "...кажется, не учитывает в достаточной мере масштаб (панисламистской) угрозы для ее мусульманских колоний. В любом случае общественное мнение как в Англии, так и во Франции не подозревает, насколько серьезно положение" [AD, vol. 561, f. 153].

Французские и британские официальные лица не только следили за активной деятельностью лидеров младотурок, но и в какой-то момент должны были решить для себя вопрос, целесообразно ли вступать с ними в контакт. Если Энвер-паша и Талаат-паша в разное время искали возможности для переговоров с британцами о послевоенном урегулировании, то Джемаль-паша в начале 1922 г. попытался улучшить свои позиции, вступив в контакт с французами и рассчитывая воспользоваться своими широкими связями во французских дипломатических и военных кругах. Последнее обстоятельство Джемаль подчеркивал в разговоре с советскими дипломатами, объясняя эти знакомства своей принадлежностью к франкофильскому крылу младотурок [Тихонов, 2010, с. 57]¹¹.

По версии Джемалья, он получил приглашение приехать в Париж от премьер-министра Франции А. Бриана незадолго до падения его кабинета¹², а после Бриана – уже от Р. Пуанкаре через посла Франции в Берлине, с которым и встретился в Париже [Тихонов, 2010, с. 57]. Однако советский дипломат Д. Гопнер поставил под сомнение эту версию, предположив, что инициатива встречи исходила не от французского руководства, а от самого Джемалья, который, по его мнению, "посредством Исмет-бея и французских агентов в Берлине добивался встречи с Пуанкаре" [Тихонов, 2010, с. 57]. Но можно не сомневаться в том, что французское руководство испытывало определенный интерес к человеку, который мог служить источником ценной информации об афганских делах, о Советской России и о Турции (и связях между этими странами) и, конечно, о панисламистской активности в колониях и подмандатных территориях Франции.

* * *

События 1918 г. стали отправной точкой для формирования обширной сети, ядро которой составляли государства-преемники – Германия, Турция, Советская Россия, но к которой относились также ряд европейских и арабских стран, Афганистан и Иран. Эн-

---

¹⁰ В научной литературе отношения Энвера с Кемалем до и после его бегства из Турции часто описывались как враждебные, в рамках которых Энвер одновременно готовился к борьбе с Кемалем и предпринимал односторонние попытки добиться от него признания в качестве представителя национального движения Турции за рубежом и права вернуться в Турцию. Однако, по всей видимости, эти отношения были более сложными и запутанными и включали не только игнорирование (со стороны Кемала), недоверие и вражду (с обеих сторон), но и на определенном этапе элементы сотрудничества. Турецкий исследователь Шухраз Йылмаз обратил внимание на существование значительной преемственности между партией "Единение и прогресс" и турецким национальным движением во главе с Кемалем с точки зрения кадров и институтов, составивших основу национального движения, некоторые фракции которого сформировались в результате амбициозных стремлений Энвера вернуть под свой контроль Анатолию [Yılmaz, 1999, p. 64].

¹¹ "Франкофильство" Джемалья, "германофильство" Энвера и Талаата, безусловно, следует учитывать при объяснении их мотивов и побуждений. В то же время вряд ли было бы правильным как недооценивать, так и переоценивать значимость данных субъективных предпочтений.

¹² Кабинет министров во главе с А. Брианом ушел в отставку 15 января 1922 г.

вер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша стремились преувеличить значимость этой сети и свои функции в ней, в реальности линии этой сети были весьма тонкими, иногда прерывистыми, но она существовала. Они пытались с разной степенью успеха использовать преимущества своего промежуточного, “пограничного” положения и наличие связей со многими участниками этой сети.

Несмотря на слабые позиции, бывшие руководители Османской империи являлись сложными партнерами для каждой из сторон, что объяснялось высокой степенью непредсказуемости их действий, неясностью их отношений с Кемалем и отношения Кемала к ним, сохранением влияния в Турции и, если речь идет о Энвер-паше и Джемаль-паше, в мусульманском мире, а также относительной свободой передвижения в рамках упомянутой сети.

Широта формирующейся сети в условиях общего подъема и определенных успехов национальных, социалистических движений и панисламизма, интересы которых пересекались, в частности, в декларируемом всеми их участниками антиколониализме, не могла не вызывать озабоченность у Франции и Великобритании. Хотя широта контактов, как правило, не означала способности к скоординированным действиям, некоторые британские и французские дипломаты, военные и разведчики создавали в своих донесениях картину глобального заговора, направленного против Британской и Французской империй.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Archives Diplomatiques (Дипломатические архивы), Serie Levant (Серия Левант), 1918–1940, Turquie (Турция). Vol. 561.

Bundesarchiv-Potsdam – Федеральный архив (Потсдам), Ф. Auswärtiges Amt, (Министерство иностранных дел), дела 4927–4928.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Айрапетов О. Решающие дни для Болгарии: август–сентябрь 1915. Политика. Из истории политики и дипломатии. *ИА REGNUM*. – <https://regnum.ru/news/polit/1954459.html> (дата обращения: 18.05.2017) [Airapetov O. “Decisive days for Bulgaria: August-September 1915”, *IA REGNUM*. – <https://regnum.ru/news/polit/1954459.html> (accessed 18.05.2017) (in Russian)].

Вдовиченко Д.И. Энвер-паша. *Вопросы истории*. 1997. № 8. С. 42–57 [Vdovichenko D.I. Enverpasha. *Voprosy istorii*. 1997. No. 8. Pp. 42–57 (in Russian)].

Винклер Г.А. *Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии*. Пер. с нем. Е. Земсковой (гл. 1–5), А.И. Савина (гл. 6–18); под общ. ред. А.И. Савина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013 [Winkler H.A. *Weimar 1918-1933: The History of the First German Democracy*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Гиленсен Б.М. Сотрудничество Красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой. *Восток (Oriens)*. 1996, № 3. С. 45–63 [Gilensen B.M. Cooperation of Red Moscow with Enver Pasha and Jemal Pasha. *Vostok (Oriens)*. 1996, No. 3. Pp. 45–63 (in Russian)].

Казанджян Р. *Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922)*. М.: ИВ РАН, 1996 [Kazandzhian R. *Bolsheviks and Young Turks. New documents on Russian-Turkish relations (1920–1922)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 1996].

Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования*. М.: Новое литературное обозрение, 2006 [Miller A.I. *The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006].

Остерхаммель Ю. Трансформация мира: История XIX века. Главы из книги. *Ab Imperio*. 2011, № 3. С. 21–140 [Osterhammel, Jürgen, *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. *Ab Imperio*. 2011, № 3. Pp. 21–140].

Радек К. Ноябрь. Страничка из воспоминаний. *Красная новь*. М.–Л., ноябрь 1926 г., № 10. С. 139–175 [Radek K. “November: Memory Glimpses”. *Krasnaia nov*. Moscow–Leningrad, November 1926. No. 10. Pp. 139–175].

Ридер А. Сравнивая континентальные империи. *Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей*. Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 33–71 [Rider A. Comparing continental empires. A.I. Miller (ed.) *The Russian Empire in a comparative perspective. Digest of articles*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004. Pp. 33–71].

Тихонов Ю.Н. “Ключ к мировой революции находится в Индии”. Меморандум А. Джемаль-паши советскому правительству. 1921. *Исторический архив*. 2002, № 5. С. 73–92 [Tikhonov Yu.N. “The key to the world revolution is in India”. A. Jemal Pasha Memorandum to the Soviet Government. 1921. *Istoricheskii arkhiv*. 2002. No. 5. Pp. 73–92].

Тихонов Ю.Н. “Революционная миссия” Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922). *VITALEUS. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета*. М.: Институт востоковедения РАН; Издательский дом Марджани, 2010. С. 288–302 [Tikhonov Yu.N. “Revolutional mission” of Djemal Pasha in Afghanistan (1920–1922). *VITALEUS. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V.I. Sheremet*. Moscow: Institute of Oriental Studies; Izdatelskii dom Mardzhani, 2010. Pp. 288–302].

Тихонов Ю.Н. Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы. *Восточный архив*. № 2(22), 2010. С. 50–62 [Tikhonov Yu. N. Djemal Pasha in Afghanistan and in the Soviet Russia in 1921–1922: New archival documents. *Vostochnyi arkhiv*. 2010. No. 2(22). Pp. 50–62].

Тихонов Ю.Н. Неизвестное письмо А. Джемаль-паши наркому Г.В. Чичерину. *Восточный архив*. 2017. № 1(35). С. 45–50 [Tikhonov Yu. N. An Unknown Letter by A. Djemal Pasha to G.V. Chicherin. *Vostochnyi arkhiv*. 2017. No. 1(35). Pp. 45–50].

Тихонов Ю.Н. *Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945)*. Москва–Липецк: ИНФОРМ, 2007 [Tikhonov Yu.N. *The policy of the great powers in Afghanistan and the Pashtun tribes (1919–1945)*. Moscow–Lipetsk: INFORM, 2007].

Carr E.H. Radek’s Political Salon in Berlin 1919. *Soviet Studies*. Vol. 3. Issue No. 4. April 1952. Pp. 411–430.

Cruickshank A.A. The young Turk challenge in postwar Turkey. *The Middle East Journal*. Vol. 22. No. 1, (Winter 1968). Pp. 17–28.

Dementi der Gerüchte über Enver Pascha. *Liwa-el-islam*. 1922. No. 1–2.

Dumont P. La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 16. No. 2. Avril–juin 1975. Pp. 141–166.

Ferris J. The British Empire vs. The Hidden Hand: British Intelligence and Strategy and “The CUP-Jew-German-Bolshevik combination”, 1918–1924. Neilson, Keith/Kennedy, Greg (eds.): *The British Way in Warfare: Power and the International System, 1856–1956*. Farnham 2010. Pp. 325–346.

Glenda F. Enver Pasha’s Bid for Turkestan, 1920–1922. *Canadian Journal of History*. Vol. 22 (1988). Pp. 197–211.

Kramer M. *Islam Assembled: The Advent of Muslim Congress*. New-York: Columbia University Press, 1986.

Mangold-Will S. *Begrenzte Freundschaft. Deutschland und die Türkei 1918–1933*. (Moderne Europäische Geschichte, Bd. 5.). Göttingen: Wallstein Verlag, 2013.

Yamauchi M. *The Unromantic Exiles: Istanbul to Berlin. Enver Pasha 1919–1920*. Research Report on Urbanism in Islam (University of Tokyo, 1989). Monograph Series № 11.

Yenen A. Approaching Transnational Political History: The Role of Non-State Actors in Post-Ottoman State-Formation. *Transnational Actors – Crossing Borders: Transnational History Studies*. Ed. by Steffi Marung and Matthias Middell. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2015.

Yenen A. The ‘Young Turk Zeitgeist’ in the Middle Eastern Uprisings in the Aftermath of World War I. *War and Collapse: World War I and the Ottoman State*. Ed. by M. Hakan Yavuz and Feroz Ahmad, 1181–1216. Salt Lake City: University of Utah Press, 2016.

Yılmaz Ş. An Ottoman Warrior Abroad: Enver Paşa as an Expatriate. *Middle Eastern Studies* 35. No. 4 (1999). Pp. 40–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШЕРСТЮКОВ Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.	Sergey A. SHERSTYUKOV – PhD (History), Senior Lecturer, Oriental Department, Altai State University, Barnaul, Russia.
---	---